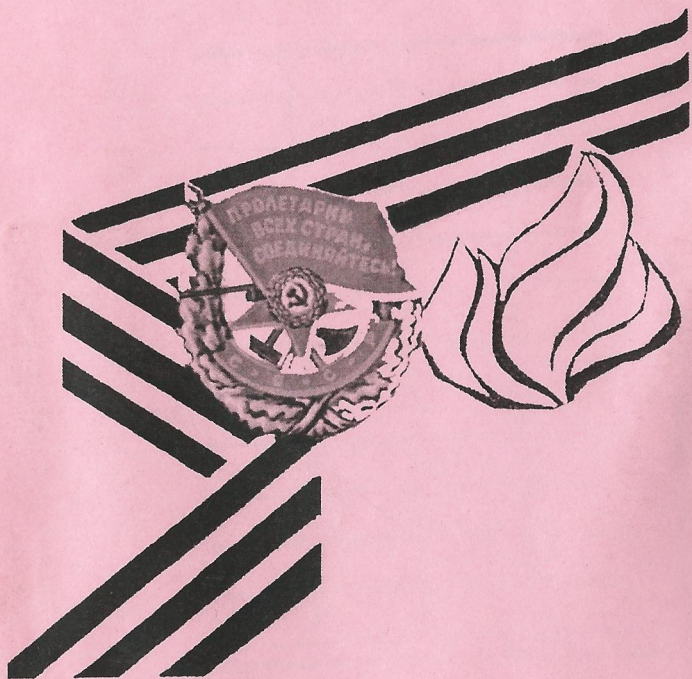

62.5(4)
589

Александр Брылин

Судьба офицера

Александр Брылин

Судьба офицера

Артёмовский
2006

**Брылин
Флегонт Иванович**

Светлой памяти выпускников
Покровской школы - участников
Великой Отечественной войны,
всех малых войн и военных конфликтов

ПОСВЯЩАЕТСЯ.

63.3(2) (235.55)

Брылин А.И.

Судьба офицера.

Тираж 60 экз.

Компьютерный набор выполнили ученицы МОУ СОШ № 4 (Покровской школы) Рукомойкина Катя и Белоусова Юлия под руководством учителя информатики Кривопаловой Надежды Владимировны.

Компьютерная правка Брылин А.В.

Фотографии из архива автора

Автор благодарит учителя технологии МОУ СОШ № 4 Горбунова Виталия Ивановича за идею создания книги и подготовку её к печати и Соколова Эдуарда Леонидовича за компьютерную обработку фотографий.

4.3
165197.

В предлагаемых очерках рассказывается о детских и школьных годах, участии в боевых действиях в г. Будапеште (октябрь-ноябрь 1956 г.) выпускника Покровской школы старшего лейтенанта Брылина Ф.И.

Очерки рассчитаны на земляков, интересующихся историей своего края и судьбами его людей, оставивших добрый след на Земле.

Издание приурочивается к 50-летию гибели Брылина Ф.И.

Ар. ЭМОВСКАЯ ЦБС
Свердловской обл.

От автора.

Меня нередко спрашивают: Почему это вы, будучи техническим работником радиозавода, занялись краеведением?

Я и сам удивляюсь, как это, казалось бы, от лёгкого увлечения незаметно для себя перешёл почти к профессиональному изучению истории своей малой родины.

Но, если посмотреть "поглубже", то причина есть и не одна. Безусловно, это влияние уральской литературы, увлеченность некоторых школьных учителей, некоторые повороты личной биографии и гибель родного брата Флегонта, раздумья о его короткой жизни и преданности воинской присяге, Отечеству. В нём всегда присутствовала любовь к родному селу, его людям, всегда ощущалась грусть по родным местам.

Но в детстве и юности мы мало знали об истории своего села и района. Когда мне удавалось найти, и рассказать в печати о некоторых интересных фактах прошлого, то думалось, что это очень бы понравилось Флегонту. С тех пор я продолжал поиски, открывал какие-то факты прошлого, научился излагать их в статьях, которые публиковались в разных районных, областных и даже российских изданиях. Мысленно, не афишируя, посвящал всё памяти брата. Будь он живой, выйдя в отставку, не остался бы в стороне от моих занятий. В Покровском, да и во всём Артёмовском районе, брат единственный посмертно награждённый высокой наградой - орденом Красного Знамени. Но имя его так и не увековечено должным образом. При этом за его память пришлось бороться с самой системой государства, которого теперь нет.

Прошло полвека после его гибели. Уходит из жизни его поколение. Не много осталось людей знавших

брата лично. А наша молодёжь и среднее поколение, которое в этом никак нельзя обвинять, мало, что знают о событиях, осени 1956 года, происшедших в Венгрии.

Восполнить этот пробел я и попытался, решив написать эту брошюру.

«Вот где посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь до смерти мы нашли,
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли».

К.Симонов

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Это было любимое место для игр в войну. Небольшой кусочек леса вблизи сельской больницы отсекала неширокая дорога, служившая нам границей. Одна наша «армия обороны» выставляла на ней посты, другие же, сделав бросок, пытались, нарушив границу, пробраться в штаб.

Часовые же, заметив лазутчиков, должны были догнать нарушителя и, если прикоснулись к нему, то он считался обезвреженным. Когда в «штаб оборонцев» незаметно пробирались более половины лазутчиков, то оборонцам засчитывалось поражение. Проигравшая сторона меняла своего командира и команды менялись местами.

Однажды нам пришлось трижды менять своего вожака после очередной неудачи. Наконец командиром был избран мой брат Флегонт. Неожиданно для нас он придумал, как вырвать победу «у противника». В часовых на дороге он оставил только двух ребят, они не должны были бегать за лазутчиками, а только пугать их. Всех остальных он разместил возле сосёнок у дороги, в засаде. Когда «враги» появлялись на дороге, и пытались скрыться от часовых, они, углубляясь в лесок, и попадали на нашу засаду. На другой день в школе все участники этого «сражения» рассказывали: «Вот Флегонт из 6^а класса - настоящий командир, хоть сейчас его в пограничники!» И хотя сам Флегонт восхищался и пограничниками, и кавалеристами, любил их рисовать, он мечтал стать путешественником, таёжным следопытом или первооткрывателем новых месторождений полезных

ископаемых. Были у нас на селе «военные» игры и посерьёзнее, когда сходились край на край. В этих играх участвовали старшие ребята, а «командирами» у них были парни уже призывного возраста.

С братом Флегонтом мы росли вместе. Разница у нас была - два года. Наш старший брат Николай был на девять лет старше меня, а Анатолий – моложе на столько же лет. Понятно, что у нас с Флегонтом были одни интересы...

Он родился 4 января 1925 года. Ему дали довольно редко встречающееся имя – Флегонт. Родители уступили просьбе деда Алексея Колотилова (отчима отца). Дело в том, что где-то после гражданской войны младший его сын Флегонт ушёл в армию. Что там случилось – неизвестно, но семья получила извещение об его смерти без объяснения причины. Вот дед и попросил своих сыновей, у кого родится сын назвать его Флегонтом: «А то жил человек и никакой памяти о нём не осталось».

По случаю новорожденного состоялось небольшое семейное торжество. Вечерком гости собрались крадучись, окна были занавешены одеялами, плотно затворились ставни. Не дай бог кто-то из местных активистов увидит яркий свет керосинки или услышит весёлый разговор, да ещё и с песней. Это шли двадцатые числа января 1925 года - первая годовщина смерти вождя советской власти. В эти дни запрещалось проявление какой-либо радости.

Жили мы в небольшом доме на бывшей Новой улице, которая была переименована в улицу Карла Либкнехта. Отец Иван Никандрович работал в частной кожевне деда, но со свёртыванием НЭПа устроился на железную дорогу служащим, мама Анисья Илларионовна домохозяйка.

Наша семья считалась грамотной. Отец учился в Покровской школе, мама окончила церковно-приходскую школу. В те годы, когда пришла пора учиться нам, в

школе не хватало учебников. И учащимся, чьи родители знали грамоту, не выдавали букварей.

Мы с братом учились читать по единственной в доме книге «История земли» немецкого учёного Нойберга с ятями и итями. Книга эта ранее принадлежала нашему земляку и дальнему родственнику известному ирбитскому краеведу Ивану Васильевичу Воробьёву, который в своё время стал первым выпускником Покровской земской школы вместе с Александром Фадеевым (отцом известного советского писателя А.А. Фадеева) и дедом Алексеем Колотиловым. Как попала книга в наш дом – неизвестно.

Надо отметить, что этот фолиант в тысячу страниц, отпечатанный на лощёной белой бумаге содержал сотни картинок с животными и видами природы. Именно с них Флегонт начал перерисовывать, что, может быть, и развило страсть к рисованию.

С первых дней учёбы в школе Флегонт учился хорошо. Я не помню, чтобы когда – либо он получал оценки «пос» или «неуд». Тогда ведь уровень знаний оценивался на «отлично», «хорошо», «посредственно», «неудовлетворительно» и «очень плохо». По окончании 4го класса брат был награждён благодарственной грамотой с изображением Ленина и Сталина. Это тогда особенно ценилось.

Учителя, заметив страсть к рисованию у Флегонта, всячески поддерживали это увлечение. Он оформлял стенгазеты, стенды. В юбилейные пушкинские дни 1937 года он много рисовал Пушкина, героев его произведений. В следующем году, в дни 20-летия Красной Армии, на его рисунках были красноармейцы, кавалеристы. Особенно любил рисовать лошадей. Помню, он участвовал в конкурсе, который проводила газета «Пионерская правда», посвящённом XX - летию РККА. Его рисунки, отправленные в Москву, были о кавалерии, с изображением знаменитой тачанки. Редакция газеты прислала ему благодарственное письмо «За любовь к

Красной Армии» и пригласила на заочные курсы юных художников, прикрепив его к художнику Яковлеву. Флегонт отсылал ему свои рисунки в редакцию журнала «Юный художник», получал рецензии и советы как работать масляными красками.

В 1938 году учительница географии Елена Александровна Бердникова была награждена Орденом Трудового Красного Знамени. Его вручал ей в Кремле «всесоюзный староста» М.И.Калинин. После этого наша любимая учительница была на приёме у наркома просвещения РСФСР Потёмкина. В ходе беседы Елена Александровна показала наркому тетрадь её любимого ученика Брылина Флегонта. Одним из методов её педагогики было то, что она заставляла нас, учеников, вести тетради по географии и иллюстрировать их вырезками по проходимым на уроках темам. Тем, кто умел, она предлагала рисовать в тетради. Помню, Флегонтовы тетради поражали меня чистотой и аккуратностью работ цветными акварелями лося, медведя, нашего озера, речки... Тетрадь эту Елена Александровна подарила наркому.

Аккуратность во всём была присущей чертой Флегонта. Он уходил в школу, всегда нагладив рубашку, пионерский галстук. Как-то я встретил в Кисловодске Шуру Колотиллову, соученицу брата. Разумеется, мы говорили о Флегонте. Она вспоминала: «Я всегда говорю своему сыну, что у меня в классе учился Флегонт – самый аккуратный, тетради чистые, ни один уголок не загнут и оценки только отличные».

Если он что-то делал, то это было сделано особенно аккуратно и чисто. Помню его поделку – лук-самострел с прикладом и стволом, что направлял стрелу в цель. Но как это было изяшно сделано!

С такой же тщательностью он изготовил деревянный наган, совместив его с рогаткой. Оружие стреляло сухой горошиной, и мы даже соревновались по точности стрельбы. Разумеется, брат взял поделку с собой в школу

и вытащил её на уроке. Елена Александровна отобрала её, выразив неудовольствие увлечением ребят оружием.

Через пять-шесть лет, уже после войны, во время отпуска брата, мы пошли с ним навестить любимую учительницу. Она встретила его у порога, обняла, расцеловала, и всплакнула о тех, кто не пришел с войны, в том числе и о родном сыне Косте. А потом круто повернулась, и скрылась в другой комнате. Но нам было видно, что она открыла сундук и, порывшись в нём, вытащила тот самый наган и, направив его на брата, сказала:

- Вижу, пришёл ко мне без нагана, а то тут были такие, явились ко мне с оружием, а ты видимо навоевался.

Оказывается, Елена Александровна хранила в сундуке самые разные вещи, которые отобрала у учеников на уроках: были тут какие-то цепочки, поджигалки, рогатки, куклы и т.д.

Надо сказать, что Елена Александровна всегда вела малолеток (с 1-го до 4-го класса), уроки географии в старших классах и заведовала школьной библиотекой. Мы с братом были страшные книгочеи, особенно любили читать про историю Урала, тайгу, про охотников, геологов и следопытов.

Любимыми нашими авторами были Мамин - Сибиряк, Бондин, Бармин и другие уральские писатели. Мы зачитывались их книгами. Помню замечательную серию книг, издаваемых об Урале: Урал медный, Урал железный, Светлое озеро... и т.п. Может, именно эти книги повлияли на наш устойчивый интерес к родным местам, к нашей уральской природе, к истории своего края.

Наши развлечения так же были тесно связаны с природой. Тайгу, наш лес в сторону Белого озера мы отлично знали, так километров до двадцати. Каждый

ложок, гривы, дороги были нам знакомы. Где бы мы не находились мы могли отклониться от своего пути и напиться или набрать воды в одном из ключиков, которые мы знали все, во всей округе.

Помнится, как однажды мы с Флегонтом обозревали окрестности из полуразорённого бывшего дома - кордона лесничего на Осиновке. В сторону Рефтов простиралось зелёное море тайги. Какое раздолье! Тогда, разумеется, мы и предположить не могли, что когда-то Рефты будут перекрыты плотинами, тут заблестит огромное зеркало пруда, возникнет город с огромной электростанцией.

Знать эти места заставила нас нужда. Начало тридцатых годов наша семья прожила не хуже всех; отец был железнодорожником, а это, в отличие от колхозников, хоть и не велика зарплата, давало возможность ездить в Свердловск и там купить что-то простенькое, чтоб одеть всю семью, плюс хлебные карточки в голодные годы. Но вот когда наш отец - кормилец всей семьи - серьёзно заболел, мы начали бедствовать. В семье работал только старший брат, но он, начинающий слесарь, зарабатывал не много. И, когда начиналась ягодная пора, мы с Флегонтом почти ежедневно ходили в лес за ягодами. Мама заготавливала их на зиму, а мне приходилось ездить в Егоршино и продавать ягоды. На вырученные деньги покупали на нас одежду, чтоб было в чём ходить в школу. Поэтому мы не только знали прилегавший к селу лес, но знали все ягодные и грибные места. Бывали у нас и такие дни, когда, особенно осенью, уходили вечером в лес, где сидели у костра, пекли печёнки из картофеля, слушали голоса леса, почти до середины ночи. Тогда-то и рождались наши мечты о будущем, связанные с таёжной экзотикой, следопытством и т.д. С этого у нас и зародилось какое-то доброе чувство к своей малой родине.

Вспоминая детство брата, надо сказать и о его друзьях, и соучениках. Своими одноклассниками он считал тех, с кем учился в 5, 6 и 7 классах. В школе были двойные классы, иные оказывались в параллельных классах, другие отставали, и оканчивали школу позднее, некоторые уходили работать, не оканчивая школы. В заключение назову лишь тех, кто вернулся после войны. Среди них - Адольф Стриганов стал кавалером ордена Ленина, танкист Кирилл Корепанов – кавалером трёх орденов Славы. Вернулись с войны Тимофей Брылин, Николай Черемных, Анатолий Халямин. А вот сын сельского ветеринара Кузеванов Евгений, с которым брат был близко дружен, после войны стал офицером, и одно время даже служил под началом брата. Близкий друг Флегонта - Василий Гусев на фронте получил ранение. Он часто болел, и умер от ран молодым. Самый малый ростом в классе Гладких Михаил вернулся с войны невредимым и работал в артели Вагранка. Но в пятидесятых годах при пожаре бросился спасать добро. Он выкатил бочку с живицей, которая лопнула, а Михаил получил смертельные ожоги. И очень жаль, что этот геройский поступок не получил должного внимания общественности.

После окончания семилетки продолжить учёбу у Флегонта не было никакой возможности. От тяжкой и продолжительной болезни умер отец. Семья бедствовала.

В начале 1941 года Флегонту исполнилось 16 лет, и он устроился на работу художником в народном доме культуры. Писал афиши к новым кинофильмам, рисовал главных героев. Помнится его большое панно, где красовался Богдан Хмельницкий с булавой в руке.

Летом началась Великая Отечественная война. Мы не предполагали, что она затянется надолго и, что старшим из нас ребятам придётся участвовать в ней. Осенью Флегонта призвали в ФЗО. Сельская молодёжь неохотно шла ни в ФЗО, ни в ремесленные училища.

Поэтому введён был официальный призыв. Учили тогда быстро. Теоретических занятий было немного, главное обучение проходило непосредственно на рабочих местах. Флегонта часто отвлекали на выполнение наглядной агитации. Помню, что мама ездила на Копи (ныне Артёмовский), где само здание ФЗО было украшено большими щитами с изображением шахтёров и их учеников, нарисованных братом. После окончания ФЗО брат работал столяром в стройгруппе треста «Егоршинуголь».

Оттуда 13 сентября 1943 его и призвали в Красную армию, направив учиться в эвакуированное Урюпинское пехотное училище, позднее названное Свердловским. На фронт он попадёт в самом конце войны в звании младшего лейтенанта. И первой его наградой станет медаль иностранного государства «За освобождение Болгарии».

«Не годясь в ханжи и судьи
Я чужое не кляню.
Но конечно полной грудью
Только дома я вздохну».

Перевод К.Симонова

ЕГО МАЛАЯ РОДИНА

Историки еще в XIX веке отмечали: «село Покровское интересно в историческом отношении». Действительно только перечисление этапов более чем трех с половиной веков истории говорят о этом. Полвека под монастырем, век демидовской кабалы с восстаниями и бунтами, век жизни под началом Ирбитского земства. Двадцатое столетие добавило две мировые войны, революции с гражданской войной, коллективизацию с последующими опустошительными перестройками.

Особая страница – воинская повинность, участие в бесчисленных войнах, которые вела Россия постоянно. От

петровских времен, до условно мирных дней после Великой Отечественной войны. Сотни покровских крестьян становились солдатами и сражались «за бога, царя и отечество». До нас за прошлые века не дошли имена тех, кто умножал воинскую славу русского солдата. Из прошлого мы узнаем лишь об единицах.

Но ведь кто-то же из наших земляков служил в армии Кутузова в Отечественную войну 1812 года? Ныне, пока можно назвать одно имя – Соколов Егор Иванович. Еще в начале того года он активно участвовал в покровском бунте, направленном против принудительных работ на заводах Демидова, за что наказан 25 ударами батогами, а после взят в рекруты и погиб в боях с французами. Другой крестьянин Черемных Сергей Алексеевич в рекруты попал в 1813 году. Он дослужился до фелдфебеля, за героизм проявленный с сражениях на территории Польши произведен в подпоручики и в 1831 году награжден орденом Святого Георгия /тогда орден для нижних чинов не имел степеней/. С.А. Черемных дослужился до звания майора. Ему представлено право на принятие дворянства.

Почти десяток покровчан возвращались домой с русско-японской и первой мировой воин кавалерами орденов Георгия IV степени. А один из них Черемных Гаврила Филиппович был награжден Георгиевским крестом IV и III степеней и медалями.

Более тысячи покровчан в 1941-1945 годах защищали Родину от фашистских захватчиков. На памятнике установленном в центре села 584 имени не вернувшихся с фронтов. Сотни земляков за проявленный героизм в борьбе за свободу Родины награждены орденами и медалями. Двоим из них присвоено высокое звание Героев Советского Союза. Это генерал-майор Леонид Алексеевич Колотилов и железнодорожник Константин Григорьевич Стриганов. Полным кавалером солдатской славы стал тракторист Кирилл Григорьевич Корепанов. Имена этих героев увековечены

памятником на площади и мемориальными досками на Покровской школе. После Великой Отечественной войны ежегодно в армию уходят, покровские парни и честно несут службу, проявляя верность воинской присяге и Отечеству.

И во все времена каждого солдата и офицера, несущего службу вдали от родных мест объединяла любовь к своей малой родине, к дорогому каждому сердцу селу Покровскому. Может быть, за всех наш земляк, мой добрый друг и соученик Евгений Петрович Колотиллов участник Великой Отечественной войны, ушедший в отставку в звании капитана еще будучи рядовым, едва находя свободную минуту между боями 45 года писал домой письма и наиболее ярко и просто выразил эту любовь начиная свои послания со слов: «Здравствуй все село Покровское! Здравствуй мама!».

Уйдя в отставку он все мечтал о переезде в родное село, но сделать этого не успел...

«Я уже думал, что больше писать Вам до отпуска не буду, но пришлось ещё побыть здесь. Уже скоро тот день, когда я приеду в отпуск и сойду с поезда на станции «Красные Орлы»» - так писал Флегонт Иванович домой родным в село Покровское. В послевоенное время его служба, как офицера Советской армии, в основном проходила за границей: Болгария, Австрия, Германия, Венгрия. Военная служба, даже на своей территории, ограничивает офицера в житейских делах. Тем более строго эти правила соблюдаются за границей.

Все послевоенные годы Ф.И.Брылин в Союз выезжал только на учёбу да в отпуска. И не в один из них не пропустил дня – все до одного проводил на своей родной земле, в родном селе. Каждый раз, как только миновал границу, садился в поезд или самолёт, добирался до Свердловска, а далее «пиллил», считая минуты, на тихоходном поезде до станции «Красные Орлы».

Он рассказывал, что очень скучал по родным местам. Скучал потому, что сильно любил свою милую родину. Сюда его тянуло всегда, в мечтах он видел родное село, нашу, далеко

не полноводную, речку, поля и леса, окружавшие любимые улочки старых крестьянских изб, в одной из которых родился, и вырос.

«А летом в отпуске, я уже давно не был. И сейчас мне очень хочется приехать летом. Сходить на озеро, побродить по лесу... Я только отпуском и живу» - писал он в другой раз. Горько сожалел, что «...в отпуске буду только в конце года, в конце ноября или в декабре, раньше никак. Но ничего, и тогда я с удовольствием подышу воздухом наших лесов».

Когда наступала отпускная пора, он проводил её в лесу, на речке. Более всего посещал любимые места на Белом озере, на Осиновке, просто гулял по покровским улицам, или берегам наших речек Бобровки и Бродовки.

Во время отпусков бедой для брата было то, что мы родные по утрам расходились или разъезжались на свои работы. И тут, чтобы не скучать, он садился на трактор к сельскому механизатору Степану Артемьевичу, солдату войны, награждённому орденом Славы, и ехал с ним в поле. Оказавшись в ходке у сельского ветеринара бывшего офицера Ивана Петровича, тоже ветерана войны, кавалера боевых наград, объезжал с ним фермы, нередко помогал ему в работе. Бывало, что они выезжали с ночевкой на дальние летние выпасы скота. То на Осиновку, то на Суханову. Частенько он бывал в семье Василия Петровича и Прасковьи Кузьмовны Загвоздкиных (нашей тёти). Оба они были фронтовиками, и это объединяло их.

Сохранилось сентябрьское 1951 года письмо брата к моей семье: «Когда у Вас, - обращался он к нам, будет еще один член семьи? Если это будет мальчик, то я бы хотел быть ему крестным... готовьте мне его в помощники, а то сейчас помощника нет и в отпуск не пускают... »

4 октября 1951 года у нас с Зинаидой Ивановной родился сын. Назвали Виктором. Его крестным назначили Флегонта. Прошло время и крестник стал солдатом Советской

65197.

армии. Получил воинскую специальность артиллериста, служба его проходила так же за границей в Германской демократической республике. Своего крестного Флегонта он помнит слабо, но вспоминает его приезды, подарки... И хранит о нем память как о родном человеке, героически погибшем и проявившем верность присяге и Отечеству, которую и он в свое время давал родине.

Нам с братом Анатолием на всю жизнь запомнился совместный поход с Флегонтом на Белое озеро. Ходили просто так, пора была не ягодная и не грибная, охоты в то время не было. Просто хотели посетить любимые наши места, подышать чистым лесным воздухом, попить чистой ключевой водицы. Сначала завернули на Денисов ключик. Он был, как всегда, благоустроен. Ключ встретил нас голубым зеркалом небольшого плёса, где прямо из земли бьёт чистая струя. Ключ был обложен срубом, тут же лежали берестяные черпаки. Бери черпак - наслаждайся прохладной вкусной родной водицей.

Следующий Досманов ключ, как всегда, блестел голубой гладью небольшого озера, через которое он вытекает в малориченское болото. Тут все было сооружено для пасущегося стада и было чем зачерпнуть прохладной влаги проходившему косарю или ягоднику. Было время, когда кто-то ухаживал за лесными ключиками, а ягодники, грибники, косари, проходившие или проезжавшие мимо, никогда ничего не портили и не безобразничали, как это бывает ныне. На Белом озере мы отдыхали на самом красивом месте. Это недалеко от Пихтоварки, где высокие сосны вплотную подступают к воде.

Любил Флегонт бывать в селе Трифоново у сродного брата Павла Степановича Голубкова, выпускника того же Свердловского (Урюпинского) военного училища, участника боёв под Сталинградом, прошедшего все ужасы фашистского плена. Павел был страстным любителем лошадей, и держал у себя одну гнедуху во дворе. С братом

они любили прокатиться по окрестностям Трифоновой в кошевке или лёгком ходочке.

Особая любовь у Флегонта была к землякам в частности к покровчанам. В письмах он не забывал передавать поклоны и приветы «...Ивану Петровичу, тётё Фене, Василию Петровичу, Пане и всему их семейству, дяде Ване, дяде Феде и их семействам, тётё Фёкле, Павлику, Шуре, дяде Степану, тётё Анфузе. Варваре Карповне, тётё Лизе, тётё Поле и всем моим сватам и сватьям...»

Он всегда был готов обнять, расцеловать любого покровчанина. Как-то во время отпуска, приехав на станцию Егоршино, он ожидал меня с работы в привокзальном ресторанчике, чтобы вместе ехать домой в село Покровское на пригородном поезде. Одному было скучно, но подвернулся какой-то земляк. Он пригласил его за столик, да ещё просил поискать - нет ли тут кого-то из покровчан. Компания быстро росла. К столику придвинули ещё один стол. На весёлый разговор завернул дежурный милиционер.

- Ба! Это же Черемных, наш покровский!

Но тот на уговоры отвечал:

- Я на службе, мне с вами нельзя.

Однако не устоял, сбегал в дежурку, отпросился с работы, и предстал перед компанией в пиджаке, накинутом поверх гимнастёрки (милиционеру в форме не положено быть в подгулявшей компании). Когда я пришёл на вокзал, то на поезд нас провожала добрая дюжина весёлых земляков.

В последнем отпуске в феврале 1956 года Флегонт женился. Его женой стала фельдшер Покровской больницы Лида Вильгчева.

Наше село знаменито тем, что в годы Великой Отечественной войны на базе самодеятельного хора и такого же хора из села Измоденово был образован ныне знаменитый Уральский народный хор русской песни.

Многие покровчане - активисты самодеятельности встали на профессиональный путь. На девичник, когда жених приходит к невесте с друзьями в канун свадьбы, собрался чуть не весь состав самодеятельного хора. Были тут Мария Якимовна Плеханова, Агрепина Маркеловна Фадеева, её сестра Тамара, одноклассница брата Лиза Хмелёва...

Все они по несколько лет проработали в Уральском хоре, и, вернувшись в село, вновь стали активистами сельского песенного коллектива, подняв уровень мастерства почти до профессионального. Были здесь и наши тётушки - Фёкла Васильевна, Варвара Карповна, Марфа Васильевна. В общем, весь свет сельской самодеятельности. Надо отметить, что они же готовили свадебные угощения с традиционными пирогами и бражкой. Они же были главными консультантами свадьбы, переработав традиции на приемлемые действия, допустимые в советское время, сохранив торжественную регистрацию с «выкупом невесты», катание на разукрашенных яркими лентами и цветами конных упряжках, песенное возвеличивание жениха и невесты, новой родни и т.п.

Брата особенно тронули старинные уральские свадебные песни. Когда хор пел «Гость – то у нас, дорогой - то у нас, всё то Флегонт – то Иванович, всё то со своею дорогою женой - Лидой Ивановной», у жениха на глазах выступали слёзы. На девичнике и на свадьбе он наливал полный ковш шампанского, и одаривал за песню и величание участниц хора.

- Низкий поклон всем за добрые песни. Спасибо огромное, поёте вы замечательно. Слушал я как-то Уральский хор, когда он гастролировал в Венгрии, вы ему не уступаете.

А было это в 1952 году. О том концерте 13 марта венгерская газета «Дунатули» писала, что уральцы борются за мир своими песнями и танцами. Их песни учат любить труд, учат защищать завоевания народа.

Разумеется, после концерта брат оказался за кулисами. Он был хорошо знаком с солистами Шурой Фадеевой, Михаилом Корепановым и его женой Анной. Само собой разумеется, он явился с бутылкой доброго коньяка. Но встреча была короткой, успели только переговорить, кое-что вспомнить - хор должен был ехать дальше. «Я видел, и слышал здесь уральский народный хор, - писал он мне в тот день, - как приятно было встретить земляков! Концерт очень понравился, послушал наши уральские песни». Далее брат усомнился, что я пойму всю глубину значимости этой встречи для него.

«Вы этого всё равно не поймёте. Для того чтобы понять, надо несколько лет пожить вне дома». Он имел в виду пожить за границей. Наверное, он был прав, за границей из нас родственников никто не жилал.

А тогда в 1956 году после свадьбы брат прожил ещё две недели в Покровском, и уехал продолжать службу в Венгрию, оставив жену Лидию Ивановну оформлять документы на её выезд к месту службы мужа. Летом туда уехала и она.

Уже осенью мы получили от Флегонта добрую весть. Он писал, что ему надоела заграница, что он честно отслужил два положенных срока, и этим заслужил свой выбор места для дальнейшей службы.

«Скоро из Союза придёт мне замена, и я уеду на Урал - дальнейшее место службы уже назначено. Это Уральский военный округ - почти дома».

И мы ждали его к октябрьским праздникам, но всё изменили наступающие тревожные события...

...За Великую советскую Родину
За свободу венгерского народа

Из эпитафий на могилах
Советских воинов похороненных
в Венгрии в 1944-1945 г.г.

ПЕРЕД ПАМЯТЮ ПАВШИХ

Сколько раз Флегонт уезжал после отпуска в неведомый для нас венгерский город Кечкемет, где дислоцировалась его механизированная дивизия. Снова ему надо было возвращаться в жизнь военного человека протекающую на чужой территории с многими ограничениями: огороженное расположение дивизии, да крохотный поселок для офицерских семей с редкими выходами и поездками в город при жестком ограничении общения с местным населением.

По его рассказам не велик Кечкемет, давно изучены все достопримечательности. Чаще всего посещали братскую могилу советских воинов павших при освобождении Венгрии от фашистов. Приходилось водить сюда и свою роту, которой довелось какое то время командовать. В праздничные дни возлагали к обелискам венки. При этом всматривались в фамилии на плитах: чьи же это парни сложили свои головы так далеко от своей родины? Нет ли здесь земляков?

Но не возможно было знать это в те годы. Только через пятьдесят лет после начала Великой Отечественной войны в родном Артемовском создана Книга Памяти по которой можно установить имена земляков погибших при освобождении Венгрии.

Не знал брат что здесь в Кечкемете похоронен старший сержант Сметанин Семен Александрович, а то бы рассказал своим солдатам о земляке воевавшем за свободу своей родины с начала войны, который попадал в окружение, «из окружения вышел в партизанский отряд, действовал в нем два с половиной месяца». Затем он решил перейти линию

фронта и попасть в свою часть «но переход оказался неудачным, я попал к немцам в плен и был отослан в концлагерь. Там находился 6 дней. Что я перенес за эти дни – трудно описать. Лучше погибнуть на фронте, чем умереть с голоду в плену. Я собрал последние силы и сбежал. Немцы обстреливали меня из пулемета. Теперь я снова в рядах РККА. Буду уничтожать заклятого врага, не щадя своей жизни. Мы уверены в том, что Победа будет за нами». Это письмо опубликовано в «Егоршинском рабочем» в январе 1942 года и брат мог его читать, так как не был еще призван в армию и работал в тресте «Егоршиноуголь». Кто тогда мог знать, что солдату и комсомольцу Сметанину С.А. придется с боями пройти по родной земле и в октябре 1944 г. умереть в бою за венгерский город Кечкемет.

Всего же при освобождении Венгрии в 1944 -45 годах в боях погибло 26 наших земляков - артемовцев. Вот двое из них: братья Терентьевы Геннадий и Николай Захаровичи, уроженцы нашего поселка Красногвардейский. Оба они пали в бою за венгерскую столицу и похоронены, как указано в Книге – памяти в городе Будапеште. Одному из них было 23, а другому всего лишь 20 лет!

И еще, братья Стригановы Георгий и Павел Васильевичи, погибшие в один день 15 марта 1945 года. Этот факт нам покровчанам особенно важен, а для меня, автора, еще и тем, что это мои соседи по улице Карла Либкнехта. Их дом от нашего стоял совсем недалеко, и мы были хорошо знакомы с их семьей. Помню, как в трудный день их отец Василий Максимович оказал нам некоторую помощь. Еще совсем недавно, когда была жива только мать на их доме пионеры установили три красные звезды с черными траурными обводками. Столько сыновей потеряли в войну Анна Лукинишна и Василий Максимович. Их старший сын Петр то же не вернулся с фронта. Георгий был нас с братом значительно старше и запомнился тем что читал толстые книги, считаю что они были философского содержания.

Младший Павел – почти ровесник Флегонта любил играть в войну, особенно когда его назначали командиром. Он поражал нас увлеченностью игрой и бесшабашностью в поступках и за это между нами звали его Павка Чапай. О Георгие же надо сказать, что он был награжден боевыми наградами и даже еще в 1993 году горвоенкомат разыскивал его родных для вручения неполученной при жизни награды

Кроме братьев Стригановых еще пять покровчан погибли при освобождении Венгрии. Это рядовой Валиев Муллагали Минегалиевич погибший 10 ноября 1944 года в боях за город Элид, рядовой Белоусов Николай Прокопьевич погибший 2 января 1945 года в местечке Зботни, старший сержант Пономарев Владимир Ефимович, павший в бою 27 января 1945 года за поселок Херцегфальв города Дунафельвар, старший сержант Хмелев Арсений Терентьевич похоронен в селе Баканькуты и рядовой Сосновских Василий Гаврилович. Его место гибели, кроме страны, не указано.

Трое из упомянутых земляков /Пономарев, Хмелев и Сосновских/ погибли совсем молодые. Им исполнилось всего лишь полных 18 лет!

Таков вот скорбный вклад за освобождение венгерского народа от фашистских захватчиков жителей нашего района и села Покровское.

Я просмотрел списки погибших при освобождении Венгрии соседнего Алапаевского района. В них 36 фамилий освободителей Венгрии. Из этого можно представить, сколько же в венгерской земле лежит наших уральских парней. Не так уж велика Венгрия, ее территория в более чем в два раза меньше нашей Свердловской области. И разумеется нет в Венгрии, скольконибудь крупного городка, поселка или села где бы среди погибших советских солдат нет парней с Урала, с нашей области.

И надо представить каково же было, годы служить нашим парням в после военное время на этой земле. Наверняка тяжело и ответственно перед памятью павших. И эта

**Лейтенант
Брылин Ф.И.
1949 г.**

**Покровская
школа
1955 г.**

**Курсант
Свердловского
пехотного
училища
1943 г.**

**Старший лейтенант - помощник начальника
штаба батальона 1955 г.**

**После Великой
Отечественной
Войны
служба
Брылина Ф.И.
проходила в
Австрии,
Германии,
Венгрии.**

**У плакучей
ивы, за гар -
мошкой или
с баяном
вспоминает -
ся Родина ,
родные и
друзья.**

На родной земле... на родной Бобровке

В кругу родных. На руках Флегонта его крестник - Виктор.

Выписка из протокола № 5 от 13 декабря 1936.

Общего собрания жюри кассации им. Ковкина
Екатеринского района Свердловской области

Присутствовало на собрании 43 человека

Из общего числа жюри кассации 12 человек

Председатель собрания Прокопьев П. Г.

Секретарь собрания Рудковских В. С.

Слушали: Заявления от родных и знакомых

с.п. Л. И. Брыкина Ризонтия Иваковича

О перевозке остатков тела погибшего

в Венгрии и Будапеште при посредстве

Коммунистического Матема в Будапеште

В. С. Покровской Екатеринбургского района Свердловской обл.

установили: Президиум Совет Министров С. С. С. Р.

Объяснить родственникам с.п. Лейтенианта Брыкина

Ризонтия Иваковича из Венгрии и Будапешта

В. С. Покровской Екатеринбургского района Свердловской области.

для посредства жюри кассации государства

Присутствовало на собрании Прокопьев П. Г.

Секретарь собрания Рудковских В. С.

Венгрии Будапешта с.п. Лейтенианта Брыкина Ризонтия Иваковича

HAZANK
 ES A SZOCIALIZMUS
 VEDELMEBEN ELESSETT
 SZOVJET HOSOK
 ENLEKERE ALLITTATTAK
 I. BELKAPUSZTERMI
 SZALOTTAI V.
 BPESTI SZALOTTAI V.
 BP. SERTESVAGHID
 EN. B. SZELEDGAZD V.
 BP. SZESZ ELEZIO
 ES LIKOS V.
 I. B. SZALOTTAI V.
 T. K. K.
 B. SZALOTTAI V.
 T. K. K.

СЕВЧУК И.К.
 КОЗАННЯ ПРОКАЧЕНКО А.С.
 ШЕБЛЬНИК ТЕРЕХОВ В.Ф.
 БАЗАЛИЕВ Ф.А. БРЫЛИН Ф.И.
 ВОРОВНОВ И.В. ГОЛЬЦЕВ И.М.
 НАЗОВСКИЙ ЗА МЕРЕЦКИЙ Л.А.
 АСТАХОВ А.И. ОЗОРНИН Г.Е.
 ЦЫГАНОВ С.И.

**Памятник
 на братской могиле
 на православном
 кладбище в городе
 Будапеште
 и надпись на нем.**

ответственность помогла им выстоять в надвигающихся грозных событиях пятьдесят шестого года.

«Венгерские события 1956 года.
Дважды брошенные на подавление
мятежного Будапешта,
советские войска несли потери,
которые не обнародованы до сих пор.»
Что знаем мы об этом?

Газета «Комсомольская правда»
5 декабря 1990 года.

ВЕНГЕРСКАЯ ОСЕНЬ 56ГО

Есть в Екатеринбурге монумент, получивший название "Черный тюльпан". Его знают более всего как памятник погибшим солдатам в Афганистане. Однако это монумент всем погибшим в малых войнах: от боев у озера Хасан до нынешней Чечни. Есть там, на плитах упоминания и о событиях полувековой давности в Венгрии. (Октябрь-ноябрь 1956года).

К сожалению наша молодежь, да и люди среднего поколения мало, что знают о трагических днях той осени. А, по сути это был первый острый кризис сталинизма.

Сталинская модель социализма наложила отпечаток на все страны народной демократии, однако в Венгерской Народной Республике это делалось с наибольшим перегибом. В маленькой стране во всем копировалась советская система с жесткой централизацией и планированием. Во главу ставилось развитие тяжелой индустрии и энергетики при отсутствии сырьевой базы в ущерб легкой и пищевой промышленности, сельскому хозяйству. Венгерская коллективизация повторила все крайности нашей коллективизации 30-х годов с раскулачиванием, включая средние слои крестьянства. Не миновали страну и политические процессы со сталинско-бериевским сценарием.

В Венгрии был свой Сталин - Ракоши, получивший в народе прозвище мини-Сталин. И хотя после разоблачительного XX съезда КПСС Ракоши был снят со всех должностей, ключевые посты остались за его последователями.

Трагические события начались в Будапеште 23 октября 1956 года с демонстрации студентов, требовавших демократизации Венгерского общества вывода советских войск, дислоцирующихся на территории республики с окончания Отечественной войны. Группа демонстрантов штурмом захватила здание радио. Здесь прозвучали первые выстрелы и пали первые жертвы. Толпа уничтожила памятник Сталину, оставив на пьедестале только сапоги вождя народов. Вечером того дня посол СССР в Венгрии Ю. В. Андропов передал военным просьбу о вводе в Будапешт наших войск. Это решение после было подтверждено Москвой, и механизированные части двинулись на Будапешт. Так советские солдаты, находившиеся там для, «обеспечения обороноспособности Венгрии», приступили к исполнению по существу полицейских функций.

Повстанцы оказали яростное сопротивление, используя бутылки с горючей смесью. «Горела техника», - вспоминает участник событий военный историк полковник в отставке В. Фомин, - гибли, превращаясь в живые факелы, люди. Террористы стреляли главным образом с коротких дистанций, из-за угла, били солдат, совершенно не ожидавших нападения, отбирали у них оружие, убивали ножами. Танкам замазывали глиной смотровые щели, поливали бензином мотор, и поджигали. Потери советских войск были значительными.

Во главе венгерского правительства стоял Имре Надь, известный в стране антисталинист, ранее пострадавший от Ракоши. 28 октября он объявил события «народным движением», одновременно поставив вопрос о выводе из Венгрии наших войск вообще.

Начались переговоры, но они были сорваны по инициативе председателя КГБ генерала армии И. А. Серова. Члены венгерской делегации были арестованы. Началась расправа над правительством Имре Надя.

50 лет я внимательно слежу за публикациями о тех трагических событиях. В одном из боев погиб мой брат старший лейтенант Брылин Флегонт Иванович.

Многие историки утверждают, что венгерские события возникли стихийно, без всякой подготовки. Но мне кажется это весьма сомнительным. Почему они возникли именно осенью? Вспомним: солдаты служили тогда по три года, призывы проводились раз в год. И каждой осенью торжественно, даже демонстративно отслужившая треть уезжала на родину. Замена же прибывала в тех же вагонах на обратном пути. Неделью, а может быть, и более боеспособность частей была ущемленной. К тому же в 1956 году в частях проводилась замена старой техники. Старые прославленные в войну, тридцатьчетверки грузили на платформы и открыто увозили в СССР. А завоз новой техники, старались не показывать. Танки новых конструкций, например, везли ночью в закрытом виде и ставили в гаражи. Внешне создавалось впечатление, что советские части оставались слабо оснащенными бронетехникой.

Все это рассказывал еще в 1957 году мой земляк из Покровского, участник Венгерских событий, водитель танка В. Н. Гусев. По его воспоминаниям, события захватили советские части врасплох. Оказалось, что танковые экипажи не укомплектованы. Их создавали во время тревоги. При этом многие танкисты ещё не были знакомы с новыми машинами. К тому же, когда потребовалось (уже в Будапеште, под обстрелом), пришлось, прежде всего, снимать заводскую смазку с орудийных замков и только после открывать ответный огонь.

В. Н. Гусев вспоминал такой эпизод. Получив боевую задачу, они на нескольких танках устремились в центр

Будапешта оказать помощь правительству. Но путь им на одной из улиц преградил танк, который открыл огонь из пушек. Впереди идущий советский танк не мог почему-то ответить тем же (может, снимал смазку с оружейного замка?) и пошёл на таран. Венгры, испугавшись устремившейся на них бронемашины, повыскакивали из своего танка, и скрылись во дворах домов. Жена брата Брылина рассказывала, что когда все ушли по тревоге в Будапешт, семьи военнослужащих остались без защиты. Их посёлку повезло: ночью пришла старая женщина и сообщила о предполагаемом нападении. К счастью, днём прибыла группа командиров, направленных сюда на замену офицеров отслуживших положенный срок за границей, в том числе капитан Ф. К. Овсянников на замену Ф. И. Брылина. Вместе с ними прибыли и новобранцы осеннего призыва для замены демобилизованных солдат.

Их эшелон после пересечения границы был остановлен. На одной из станций восставшие угнали паровозы. Взнявший на себя командование старший из офицеров решил не возвращаться домой, на что рассчитывали восставшие, а идти в расположение части. Уставшие, ещё не привыкшие к строю и походам новобранцы с трудом добрались до цели, но в расположение части вошли гордо, с песней, хотя некоторых вели под руки. Им повезло: на них, безоружных не напали венгерские повстанцы. Молодых солдат не стали посылать в Будапешт, где шли уличные бои, а использовали для охраны гражданского посёлка и расположения части.

Семьи офицеров в срочном порядке были вывезены в СССР. Из Будапешта вскоре вернулись на место постоянной дислокации наши войска.

Но оказалась, что на этом разыгравшаяся трагедия не закончилась...

«...Если пал человек, чтобы жизнь
сохранить человеку
значит верно, он жил,
значит, умер не зря...»

Надпись в зале Красной армии
в одном из мавзолеев в
Западной Европе.

ВЕРНОСТЬ ПРИСЯГЕ И ОТЕЧЕСТВУ

С повторным вводом наших войск 2 ноября 1956 года события в Венгрии усложнились. Доктор исторических наук Л. Ягодовский в «АиФе» (№46 - 1988 г.) писал: «У восставших не было танков, авиации, но было современное стрелковое оружие». Но тут же автор делает интересное признание «...пропаганда у восставших была на высоте, и радиопередачи носили конкретный характер, инструктирующий как бороться с советскими войсками».

Но танки у восставших были - наши тридцатьчетвёрки. Они после войны передавались венгерской армии. Часть из них позаимствовали восставшие, хотя армия в целом и заявила о нейтралитете. Наш танкист и наш земляк Гусев В. Н. еще в первом выступлении наших войск в октябре 1956 года стал участником сражения нескольких наших и «венгерских» танков. В критический момент боя один из наших танков вынужден был пойти на таран, но венгерские танкисты выскочили из своего танка и разбежались.

В той же статье Л. Ягодовский говорит и о наших потерях. «Были жертвы среди членов семей военнослужащих, которые не успели эвакуироваться и, конечно, в армии. И речь идёт не о единицах и с нашей стороны, и со стороны оппозиции погибли тысячи людей».

Вот один из эпизодов. Наша танковая дивизия, дислоцирующая в Румынии, по решению командования

решила въехать в Будапешт, демонстрируя миролюбивый характер советской стороны. Открыты люки, экипажи наверху демонстрируют миролюбивые намерения. Когда танковая колонна вся втянулась в город, с чердаков и верхних этажей восставшие открыли шквальный огонь. Жертвы были большие.

В правительственных сообщениях вмешательство наших войск преподносилось как интернациональная помощь братскому народу. Лишь через много лет мы узнаем, что эта помощь, хотя она оказывалась с согласия их руководства, венграм была совсем не нужна. Они уже тогда хотели сделать со своей страной то, что было сделано в девяностые годы с СССР- отказ от социалистического пути развития. Но кто же дал указание на повторный ввод советских войск, кто ответственный за большие жертвы, скрываемые от народа более 40 лет? Многие годы об этом запрещалось упоминать, к архивным документам никого не допускали. Правда открывается только в наше время.

Генерал армии П.Н. Лащенко в своих воспоминаниях утверждает, что 2 ноября от главнокомандующего силами Варшавского договора Маршала Советского Союза И.С.Конева он «получил приказ ликвидировать контрреволюционный мятеж в Будапеште». Боевая операция проводилась по указанию высшего советского руководства во главе с Н.С. Хрущёвым. Как тогда писали, они приняли это решение по просьбе венгерских коммунистов, руководства Китая, Югославии и стран-участниц Варшавского договора. Сам Н.С. Хрущёв отметит в своих воспоминаниях, что против ввода войск яростно выступал А.И. Микоян, угрожая даже покончить с собой, если ввод всё-таки состоится.

Так свершилось военное вмешательство в дела другой страны, повлекшее новые жертвы с обеих сторон, и ничего с собой не сделал политик А.И. Микоян.

Батальон, где должность начальника штаба в то время исполнял старший лейтенант Брылин Ф.И., получил приказ преградить путь в Будапешт хорошо вооруженной части

венгерской армии, ночью 6 ноября перешедшей на сторону восставших и рвущейся в центр венгерской столицы. В то утро, рокового для брата дня, как рассказывал опять же Владимир Гусев, прибывший в танке в составе отделения на помощь батальону, Флегонт постучался к нему. Они вместе позавтракали. У брата во фляжке оказался добрый коньяк. Они немного выпили, закусили какой-то хорошей колбасой, в короткой беседе вспомнили село Покровское, нашу общую, по сути, улицу, родных.

-У тебя тут хорошо. Никакая пуля не возьмёт. Бывай, жив и здоров, - сказал Флегонт, прощаясь с земляком. Оказалось, прощались навсегда... Венгры появились внезапно, и заняли позиции в семиэтажных домах, выгнав из квартир жителей. Командиры советского батальона под огнём противника рассредоточили бойцов на противоположной стороне улицы, укрываясь «кто, за чем смог». Дальнейший путь к центру мятежникам был перекрыт, хотя они сразу же начали обстрел наших позиций.

Но главная беда в том, что разрешения на открытие огня от нашего командования не поступило. Его запросили по радию. А мятежники не прекращали огня, наносили людские потери. В этом неравном противостоянии погибло много солдат и несколько офицеров, погиб и сам комбат, находившийся в расположении батальона. Его место и занял исполняющий обязанности начальника штаба старший лейтенант Брылин. Неизвестно, в каких инстанциях приняли решение, по радию пришло разрешение на открытие огня и приказ разгромить группировку мятежников.

Площадь и улицы, где расположился батальон, полностью простреливались. Посланный с приказом связной погиб, едва выскочив из штабного подвала. За ним упал следующий гонец-младший лейтенант Кондюрин, получив серьёзное ранение. Тогда-то Брылин, оставив за себя офицера, выскочил на площадь. Несколько раз он падал, и лежал не шевелясь. Мятежники прекращали огонь, посчитав его

убитым, но он вновь поднимался... Достигнув расположения батальона, старший лейтенант передал приказ:

- Открыть огонь! Подготовиться к атаке!

Приказ об открытии огня был передан и танкистам, приданным батальону, где в одном из танков находился ещё один покровчанин – механик-водитель Владимир Гусев. Позже он расскажет, как они из орудий открыли огонь по домам с засеженными мятежниками и били по нижним этажам, так что дома от этого разрушались.

Используя артиллерийский огонь танкистов, как прикрытие Брылин поднялся с призывом:

- В атаку! За мной!

Противники были выбиты из полуразрушенных домов, часть их уничтожена, а часть разбежалась. Но Флегонт не видел этого. Мятежному снайперу был хорошо виден офицер, его выдавали блестящие на солнце золотые погоны. Тогда еще не были в нашей армии введены полевые знаки отличия, менее различимые для противника.

Смертельно раненый, с простреленной головой он упал на площади. Его друг и земляк из Сажинского района лейтенант медицинской службы Григорий Озорнин под пулями оказывал помощь раненым. Увидев, как упал командир, он бросился к нему. Вероятно тот же снайпер сразил и его.

Где-то к новому 1957 году через райвоенкомат нам сообщили, что специально закрытым (это значит секретным) указом Верховного Совета старший лейтенант Брылин Флегонт Иванович награжден посмертно орденом Красного Знамени. Позже стало известно, что таким же орденом награжден его друг Григорий Озорнин. Об указе было сообщено только родственникам. Об этом не писалось ни в газетах, ни в ведомостях Верховного Совета. О награждении знали не многие...

Нам свои боевые
Не носить ордена
Вам все это, живые,
Нам – отрада одна.

А.Т. Твардовский

СКВОЗЬ ЗАПРЕТЫ

Слухи о гибели брата поползли по Покровскому и Артёмовскому, где-то в середине ноября. Жена Лидия Ивановна (она была в срочном порядке эвакуирована из Венгрии на родину) и я попеременно наведывались в райвоенкомат, но там был ответ: «У нас ничего нет. Ему просто некогда вам писать».

Но 4 декабря жене пришло письмо, подписанное группой офицеров-сослуживцев. Первым был капитан В.К.Овсянников, который ранее служил вместе с братом, и прибыл из отпуска на его замену. В письме подробно описаны обстоятельства гибели в бою с венгерской воинской частью перешедшей на сторону повстанцев и подвиг брата, о котором уже рассказано выше.

На следующий день военный комиссар без предисловий сразу выложил нам официальное извещение. Как позже оказалось, слухи о гибели брата до вручения официального документа пошли от одного работника военкомата, который не утерпел, и рассказал своим родным и знакомым о извещении до его вручения. Сразу же после выдачи похоронки, мы родные обратились с просьбой в Совет Министров Союза ССР о вывозе останков брата из Венгрии. «Мы, жена, сестра, братья, друзья, земляки и боевые товарищи, погибшего 6 ноября при подавлении фашистского мятежа в г. Будапеште старшего лейтенанта Брылина Флегонта Ивановича просим Совет Министров СССР разрешить вывезти за счет государства останки покойного в с. Покровское Егоршинского района для погребения.

Нам вдвойне будет тяжело, если наша просьба не будет удовлетворена, мы никогда не увидим могилу покойного, да мы и не уверены, что могила его в Будапеште будет окружена любовью и заботой. Убедительно просим вас дать нам возможность сказать нашему мужу, другу и брату Флегонту Ивановичу последнее прощание».

В подкрепление просьбы родственников члены самого крупного на селе колхоза имени М.И. Калинина приняли решение на общем собрании: «Направить в Совет Министров просьбу о вывозе останков погибшего земляка и преданию их родной земле». Гибель Ф.И. Брылина была первой жертвой села и района после Великой Отечественной войны. Еще не зажили раны фронтовиков, не до конца оплаканы утраты близких матерями, женами и детьми потерявших отцов. Новую утрату близко к сердцу принял каждый житель села. На проходившей очередной партийной конференции 9 декабря мать погибшего в Отечественной войне Михаила Брылина – Варвара Карповна старейшая по возрасту делегатка, известная в районе активистка, всегда с плеча рубившая правду, прямо заявила тогдашнему первому секретарю Свердловского обкома КПСС А. Кириленко: «Я вот знаю, что мой сын Михаил погиб за Родину, а вот за что погиб Флегонт Иванович?» Такой прямой вопрос был не обычен, люди после строгих сталинских режимов ещё не привыкли к первым шагам хрущёвской оттепели. Но, тем не менее, секретарь обкома не дал хода просьбам родных и общего собрания колхозников. «Государство не может вывезти из Венгрии всех погибших. Потери большие». Эти слова он попросил передать родным погибшего, председателя Егоршинского района КПСС Шипицина Г.Ф. Ему же было поручено провести определенную работу с родственниками о недопущении подобных просьб в будущем. Со мной, например, такая беседа была проведена. В те же годы осуждения культа Сталина в результате хрущёвской оттепели зарождалось краеведение, в

том числе и школьное, внедрялись азы патриотического воспитания на боевых традициях.

Участник трёх войн (первой мировой, гражданской и Великой Отечественной) Михаил Макарович Плеханов часто выступал перед школьниками. Он первым в своих выступлениях назвал подвиг земляка старшего лейтенанта Брылина Ф.И. продолжением боевых традиций Красной армии, заложенных в гражданскую и преумноженных в Отечественную войну, верности советских людей интернациональному долгу.

Эти и другие выступления ветеранов войн зародили у директора Покровской школы Богданова Лаврентия Терентьевича идею создания музейного уголка воина-интернационалиста, бывшего выпускника и отличника учёбы. По его просьбе я подобрал экспонаты. Среди них были фотографии наших родителей, школьные тетради брата, многие его школьные рисунки, в том числе посвящённые армии, благодарственная грамота за отличную учёбу и многие фотографии его службы в армии. Музейный уголок торжественно открыли в день Советской армии - 23 февраля 1957 года. На его открытие был приглашен наш младший брат Анатолий, служивший тогда на боевом корабле, на Северном море и находившийся в отпуске. Сейчас трудно вспомнить, что рассказывал Анатолий о брате, и о себе. За время службы ему приходилось участвовать в составе экипажа корабля в боевом тралении (приравнивается к участию в боевых действиях) и испытаниях атомных бомб на Новой Земле, хотя говорить об этом в то время было ещё нельзя.

Мы - родные с благодарностью восприняли этот акт, направленный на сохранение памяти брата. Но к великому нашему сожалению директора школы вскоре перевели на новое место работы, а его создание – первый в районе музейный школьный уголок, посвященный одному выпускнику – попал в не закрывающуюся кладовку, где безвозвратно погибли подлинные экспонаты.

Для нас родных это было ударом ниже пояса.

В 1957 году на селе открывается первый памятник. Он посвящен землякам, погибшим в боях Гражданской войны в рядах прославленного полка Красных Орлов. Их имена занесли также в Книгу боевой славы села. Туда же занесли позже и всех погибших земляков на фронтах Великой Отечественной войны. В связи с тем, что имя участника венгерских событий не должно было фигурировать в сельском музее, его организатор Гусев Александр Андреевич «спрятал» фотографию брата среди погибших на большой войне 1941-1945 годов и включил Флегонта Ивановича в списки, как бы упрятав его среди 26 представителей нашей фамилии. Тот же Александр Андреевич «показал» брата на выставке, посвящённой в 1958 году 40-летию комсомола, и пригласил родственников на торжественное собрание комсомольцев, которое проходило в клубе артели «Вагранка».

Учитывая, что перед уходом в армию брат работал в стройгруппе треста «Егоршинуголь», энтузиасты открыли в шахтерском музее на Буланаше стенд, посвященный воину-интернационалисту. Помню как однажды во время проведения в ДК угольчиков какого-то городского мероприятия, меня подозвал к стенду брата директор радиозавода К.Ф. Моркин, и попросил рассказать о нем подробнее. Возле нас быстро собрались участники собрания, особенно мне запомнились мои однозаводчане. В тот же год общественное городское собрание, посвященное годовщине Октября, проводилось там же на Буланаше. Я приехал туда с родственниками и с букетом цветов. Это же происходило 6 ноября - годовщина гибели брата. Мы все зашли в музей и устремились к стенду..., но стенда не было. Его приказали убрать - не положено. Этот момент для нас был очень неприятным.

Запреты на память о погибших в 1956 году в Венгрии существовали повсеместно. Вот пример. В городе Первоуральске учащиеся СПТУ №7, как отмечала газета «На смену» 23 декабря 1988 года была проведена большая работа.

Ребята затронули почти для многих неизвестные страницы комсомола, занявшись восстановлением судеб воинов – интернационалистов, которые принимали участие в подавлении контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 году. Но военкомат запретил эту работу, заявив: «Рано открывать эту тему».

Однажды в Покровском, после моего выступления на встрече с односельчанами, как автора очерков по поиску неизвестных или незаслуженно забытых земляков, один из слушателей участник Великой Отечественной войны, который хорошо знал брата и был моим другом в юности Анатолий Иванович Халямин поднялся и спросил: «Вот ты, Саша, рассказываешь и пишешь о многих земляках. Это хорошо. А почему ты не напишешь о своём брате Флегонте?». Что я мог ему ответить? Сказать, что редакция запрещено публиковать материалы о венгерских событиях 56-года.

Меж тем у меня давно было готово «Слово о брате». Его-то и удалось мне опубликовать в нашей районной газете «Артёмовский рабочий» 4 января 1985 года в день 60-летия Ф. И. Брылина. Мне и сейчас кажется, что редакция газеты пропустила статью ради автора. Я был тогда уже более 25 лет активным внештатным корреспондентом и дважды лауреатом местной журналистской премии.

В 1977 году Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ о вручении семьям орденов и медалей награждённых посмертно. Раньше это правило распространялось лишь на ордена Отечественной войны. Но новое решение распространялось только на награждённых со дня выхода указа.

Тем не менее, узнав об указе только в 1982 году, я обратился в наградной отдел Советской Армии о выдаче ордена Красного Знамени, которым был награждён в 1956 году мой брат, для передачи его в Артёмовский или Покровский музей. За меня, кстати, ходатайствовал и Артёмовский военкомат. Переписка длилась много лет.

Высокопоставленные генералы с большим количеством звёзд на погонах не решались обратиться в наградной отдел Верховного Совета. Лишь через восемь лет переписки, когда просьба попала в наградной отдел Верховного Совета СССР, 23 июля 1990 года секретарь Верховного Совета оформил для вручения родным посмертно награждённого Флегонта Ивановича Брылина, только - орденскую книжку.

В Артёмовский райвоенкомат на вручение мы - родные братья Александр и Анатолий пришли с двоюродным братом Павлом Степановичем Голубковым. Он участник Великой Отечественной войны, кавалер двух боевых орденов, добрый друг Флегонта, и держал ответное слово, принимая награду:

- Очень жаль, что сам орден, как символ подвига, нам родным и землякам не удалось увидеть, не подержать в руках, но пусть хоть орденская книжка, выданная нам от имени Верховного Совета СССР, будет свидетельством окончания тех запретов и замалчиваний, которые существовали 34 года.

Подтверждением этого явилась книга «Живые строки войны» (том 3), выпущенная в 1990 году Свердловским книжным издательством. В ней подвиг Флегонта Ивановича Брылина отражен, как переходное звено боевых традиций уральцев от Великой Отечественной войны к Афганской войне. Книга содержит много текстов из писем погибших. За последним письмом Второй Мировой войны от сентябрьских дней 1945 года, следует письмо брата ко мне, а за ним письмо семье гвардии капитана В.И. Лаврушенко, погибшего в Афганистане. Он также посмертно награждён орденом Красного Знамени, который хранится в школе № 38 города Екатеринбурга.

Печальную традицию по выполнению воинского долга ценою своей жизни доказал наш земляк Герасим Александрович Калинин. Он погиб выполняя приказ на территории Чеченской республики 24 января 1996 года. Награжден орденом Мужества /посмертно/. Похоронен в селе Покровское Артемовского района. Герасим, Гера как его звали

в семье, по воспоминаниям матери «рос с детства спокойным, скромным, добродушным отзывчивым, никогда никому ни в чем не отказывал, всегда друзьям приходил на помощь в трудную минуту».

Его орден как символ совершенного подвига и верности присяге унаследовало поколение земляков нашего времени.

«В знак вечной благодарности
советским товарищам
павшим смертью героев
в ноябре 1956 года.»

Надпись на мемориале
кладбища Керапеша.

ОБЕЛИСКИ В БУДАПЕШТЕ

Мучительно больно, что мы – все родные – так и не смогли съездить на могилу брата в Будапеште. Мы все жители «опорного края державы» и потому не «выездные» за кордон. А после падения СССР для нас в силу вступили экономические и возрастные трудности.

В советское время ездили в Венгерскую народную республику многие артемовцы по туристическим путёвкам. Но их возможности очень ограничивались. Я просил некоторых земляков, путешествовавших по тур путёвкам в Будапеште побывать на могиле брата. Но их не пускали на то кладбище, где похоронены участники подавления путча 1956 года.

Первым, кому удалось побывать на могиле Флегонта, стал сын Павла Степановича – Александр Голубков. Это уже после падения СССР. Вместе с женой Татьяной и сыном

Алексеем они и передали наш скорбный поклон последнему пристанищу Флегонта Ивановича. Домой они привезли землю с братской могилы, где похоронены ещё 14 офицеров погибших в боях с пучкистами. Эту священную для нас землю мы братья Флегонта – Александр и Анатолий рассеяли на могиле наших родителей: мамы – Анисьи Илларионовны и отца – Ивана Никандровича на старом Покровском кладбище.

Из сообщений однополчан нам известно, что Флегонт Иванович, раненый в голову, не приходя в сознание, умер на столе хирургов военного госпиталя. Тут же во дворе он и похоронен. По свидетельству В.Н. Гусева на похоронах присутствовал Маршал Советского Союза И. Конев. Но это захоронение было временным. Все погибшие в тех событиях воины перезахоронены в одном месте на будапештском русском кладбище Керапеша, рядом с могилами советских воинов, погибших в боях за освобождение города от немецко-фашистских захватчиков.

Как известно главный памятник Советским воинам-освободителям Венгрии воздвигнут в Будапеште на горе Гелларет. Совсем недавно, в этом году, во время посещения Венгрии российский президент В.В. Путин возлагал к нему венки. В составе делегации находился и наш свердловский губернатор Э.Э. Россель.

Есть памятник – обелиск и на упомянутом русском кладбище, где благоустроено несколько участков погибших советских воинов. Вот на фотографии один из них, окружённый подстриженными деревьями – шарами. Шесть рядов с десятком мраморных надгробий, на каждом изображён советский символ Отечественной войны, и нанесены имена на русском и венгерском языках. На некоторых читаются слова «Имя неизвестно». Над этим участком установлена стела с пятиконечной звездой и надписью на двух языках: «Здесь захоронено 524 советских воина, павших в боях с фашистскими поработителями, отдавших свою жизнь за Великую советскую родину, за свободу венгерского народа».

По фотографиям похоже, что таких участков на кладбище несколько.

Судьбе было угодно расположить на Будапештском кладбище Керапеша могилы павших в 1945 году и тех, кто отдал здесь жизнь в 1956 году.

Новый участок возглавляет высокий обелиск из чёрного мрамора с портретом в овале, обрамлённый дубовыми ветвями и пятиконечной звездой. Это могила Героя Советского Союза – танкиста Г.М. Громницкого павшего, как значится на мраморе, «смертью храбрых при выполнении боевого задания Правительства СССР». О нём однажды писалось в журнале «Урал» (1989 г.). Он спас жизнь раненого венгерского офицера, пытавшегося остановить не нужное на его взгляд сражение.

За этим обелиском, как часовые стоят два мраморных же обелиска с большой надписью на венгерском языке, к сожалению не переведённой на русский язык. Ниже ряд фамилий.

На одном из них значится 14 офицеров, среди которых майор Бабич Н.Н, капитан Терехов В.Ф., старшие лейтенанты Брылин Ф.И и Воронцов Н.В. младший лейтенант Озорнин Г.В и другие. А вокруг этих трёх обелисков могилы рядовых воинов и младшего командного состава. В самом центре на подиуме развёрнутая мраморная книга с надписью. На одной странице текст на венгерском языке, на другой на русском: «Воздвигнут в 40 годовщину Великой Октябрьской революции в знак вечной благодарности советским товарищам, павшим смертью героев в ноябре 1956 года в бою против наступающей на нашу родину контрреволюции, защищая народную власть Венгрии и кровью своей окропивших советско-венгерскую дружбу. Будапешт. 5 ноября 1957 год. Работники Министерства металлургии и машиностроения Венгерской народной республики».

С 1989 года ежегодно 23 октября Венгрия отмечает годовщину трагических событий 1956 года и, начиная с этого

же года, годовщину провозглашения новой Венгерской республики. Этот день отмечается как национальный праздник, как торжество национального примирения.

23 октября проводятся праздничные мероприятия на тех городских площадях, где 50 лет назад проходили события той бурной осени, на местах захоронения венгерских патриотов и советских военнослужащих. На братские могилы возлагаются цветы и тем и другим, что не раз демонстрировалось по нашему телевидению. Для нас родных эти минуты особенно волнующи – видеть как на братскую могилу, где похоронен Флегонт Иванович, венгры возлагают цветы, а приехавшие в тот день родные наших погибших склоняют свои головы. Наверное, это и есть высшая точка национального примирения – пример и для нашей нынешней действительности.

К сожалению, по разным причинам отношения между нашими государствами не всегда бывают доброжелательными. Это отражается и на захоронениях наших воинов, особенно участников подавления путча 1956 года. В этом году Венгрию посетил наш президент В.В. Путин, вновь налаживаются политические и экономические связи, и это даёт надежду на лучшее будущее русско-венгерских государственных отношений, на взаимопонимание.

На одном из праздников примирения, еще в 1989 году президент Венгрии А. Ганц обратил, внимание на факт что во время событий 1956 года венгерские медики лечили «в будапештских госпиталях, как восставших, так и раненых советских солдат». Он говорил и о других примерах гуманного отношения проявленного с обеих сторон.

Действительно такие факты, говорят сами за себя. Это въезд в Будапешт нашей танковой дивизии, спешащей сюда из Румынии, с открытыми люками и экипажам наверху и подставившие себя под огонь мятежников, или приказ командования остановить продвижение воинской части повстанцев без разрешения применить оружие, хотя это вызвало неоправданные людские потери с нашей стороны. Или

вот – советский офицер ценою своей жизни спасает раненого венгерского офицера. Этот подвиг высоко оценен на родине присвоением звания Героя.

Время дает возможность оценить события с высоты прожитых лет. Да, тогда совершилось вмешательство в дела другой страны. И хотя целью советского руководства в 1956 году было сохранение социалистического строя в Венгрии, ввод советских войск предотвратил бесчинства творимые повстанцами и главное не дал перерасти столкновению в гражданскую войну, предотвратив так же участие в конфликте третьих стран.

Разумеется что и ныне через полвека после трагических событий у советских людей так много потерявших при освобождении Венгрии от фашизма вызывает тревогу её вступление в НАТО. Да и на земле политой кровью наших солдат-освободителей расквартировывание американских военных (почти на наших границах) в наших сердцах не вызывает оптимизма.

Поездка в Венгрию в нынешнем году нашего президента В.В. Путина, кстати в сопровождении губернатора области Э.Э. Росселя, дает надежду на сохранение и улучшение добрососедских отношений. И первой ласточкой в этом - недавнее заключение Соглашения между правительством Свердловской области и министерством Экономики и транспорта Венгерской народной республики «о развитии экономического сотрудничества» что может стать началом сближения наших народов и стран.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В первых числах марта пятьдесят шестого в конце своего последнего в жизни отпуска Флегонт собрал всю родню и друзей на прощальный вечер. На вечеринке было все как обычно: веселое застолье с водкой и бражкой, и пирогами, гармошкой, песнями и плясками.

Далеко за полночь, когда разошлись все гости, брат провожал меня. Мы долго не могли расстаться: обнимались, целовались, расходились на несколько шагов и вновь сходились и опять стояли, обнявшись не в силах разойтись. Я не знаю, сколько длилось наше прощание, когда и как мы миновали церковь, сколько времени стояли на косогоре и расстались уже на заимской улице.

А на завтра жена брата Лидия Ивановна проводила мужа на станцию Красные орлы. Когда поезд отправился Флегонт стоял у окна и смотрел, как от него уплывает перрон с провожающими, как на глазах уменьшаются и уходят куда-то в даль строения покровского центра с родной школой во главе с белым, тогда еще не совсем потерявшим свою красоту и благолепие зданием церкви. Человеку не дано знать, что будет с ним в будущем. Но тогда он думал о жизни, о жене с которой мечтал о сыне и о том как вместе распрощаются с Венгрией и всей семьей «сойдут с поезда на Красных орлах...»

**У Дасманова
ключа.
1949 г.**

**Последний
отпуск.
Февраль
1956 г.**

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В первых числах марта пятьдесят шестого в конце своего последнего в жизни отпуска Флегонт собрал всю родню и друзей на прощальный вечер. На вечеринке было все как обычно: веселое застолье с водкой и бражкой, и пирогами, гармошкой, песнями и плясками.

Далеко за полночь, когда разошлись все гости, брат провожал меня. Мы долго не могли расстаться: обнимались, целовались, расходились на несколько шагов и вновь сходились и опять стояли, обнявшись не в силах разойтись. Я не знаю, сколько длилось наше прощание, когда и как мы миновали церковь, сколько времени стояли на косогоре и расстались уже на заимской улице.

А на завтра жена брата Лидия Ивановна проводила мужа на станцию Красные орлы. Когда поезд отправился Флегонт стоял у окна и смотрел, как от него уплывает перрон с провожающими, как на глазах уменьшаются и уходят куда-то в даль строения покровского центра с родной школой во главе с белым, тогда еще не совсем потерявшим свою красоту и благолепие зданием церкви. Человеку не дано знать, что будет с ним в будущем. Но тогда он думал о жизни, о жене с которой мечтал о сыне и о том как вместе распрощаются с Венгрией и всей семьей «сойдут с поезда на Красных орлах...»

**У Дасманова
ключа.
1949 г.**

**Последний
отпуск.
Февраль
1956 г.**

Содержание

От автора _____	5
Школьные годы _____	7
Его малая родина _____	14
Перед памятью павших _____	22
Венгерская осень 56 ^{го} _____	25
Верность присяге и Отечеству _____	29
Сквозь запреты _____	33
Обелиски в Будапеште _____	39
Вместо послесловия _____	44

* * *

Александр Иванович
Брылин

Для заметок

Для заметок

the 1990s, the number of people with a university degree has increased in all countries. The increase is most pronounced in the Netherlands, where the number of university graduates has increased from 1.5 million in 1980 to 2.5 million in 1995. In the United States, the number of university graduates has increased from 1.5 million in 1980 to 2.5 million in 1995.

As a result of the increase in the number of university graduates, the average educational level of the population has increased. In the Netherlands, the average educational level has increased from 10.5 years in 1980 to 12.5 years in 1995. In the United States, the average educational level has increased from 11.5 years in 1980 to 12.5 years in 1995.

The increase in the average educational level of the population has led to a decrease in the number of people with a low educational level. In the Netherlands, the number of people with a low educational level has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995. In the United States, the number of people with a low educational level has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995.

The decrease in the number of people with a low educational level has led to a decrease in the number of people with a low income. In the Netherlands, the number of people with a low income has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995. In the United States, the number of people with a low income has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995.

The decrease in the number of people with a low income has led to a decrease in the number of people with a low standard of living. In the Netherlands, the number of people with a low standard of living has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995. In the United States, the number of people with a low standard of living has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995.

The decrease in the number of people with a low standard of living has led to a decrease in the number of people with a low quality of life. In the Netherlands, the number of people with a low quality of life has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995. In the United States, the number of people with a low quality of life has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995.

The decrease in the number of people with a low quality of life has led to a decrease in the number of people with a low life expectancy. In the Netherlands, the number of people with a low life expectancy has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995. In the United States, the number of people with a low life expectancy has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995.

The decrease in the number of people with a low life expectancy has led to a decrease in the number of people with a low health status. In the Netherlands, the number of people with a low health status has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995. In the United States, the number of people with a low health status has decreased from 1.5 million in 1980 to 1.0 million in 1995.

